

УДК 342(470)

Рецензия на книгу: Сазонникова Е. В. Конституционное право и концепт «культура» : монография. – Воронеж : Научная книга, 2011. – 155 с.

Конституционное право – фундаментальная отрасль юридической науки. Это во многом обусловлено тем, что Конституция – основной закон государства, нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой – и не только, кстати, юридической. Сила Конституции – в ее, прежде всего, архетипической ценности. Принцип действия конституций именно таков: не просто возвести стройную систему норм, но и определить важнейшие ценностно-смысловые системы для народа, необходимые ему и сегодня, и в будущем.

Обращение Е. В. Сазонниковой к проблеме взаимодействия конституционного права и смыслов *культурного* (на уровне концепта «культура») представляется примечательным в том плане, что исследователь осуществил важный для любого правоведа шаг от узконаправленной «нормативистской» рефлексии к онтологическому взгляду на право и его нормы. Культуроцентричный подход к конституционному праву дает надежду на прояснение именно онтологической сущности *конституционного*, а значит, особо выделяет укорененную в менталитете народа связь природных естественных начал и проверенных веками национальных традиций и норм права. Эти аспекты активно изучаются в рамках социогуманитарного знания – в культурологии, социологии, философии, антропологии и других областях. Работа Е. В. Сазонниковой позволяет надеяться на то, что и правоведа более активно включатся в разработку этих интереснейших проблем и внесут свой существенный вклад в установление связей между нормами права и ценностно-смысловыми системами общества.

«В российской науке конституционного права, – как отмечает автор монографии, – концепт “культура” неразрывно связан с духовностью» (с. 19). Духовность – важнейшая характеристика человеческого бытия и первейший элемент общественных отношений, регулируемых многочисленными юридическими установлениями. Нередко на вопрос о том, что такое культура, слышишь ответ: это всё, что создано руками человека. Да, конечно, культура – это, в том числе, и возделывание почвы (автор также приводит это значение на с. 16), но именно ВОЗ-делывание, что предполагает личностное заинтересованное участие в этом процессе человека.

В монографии приводятся основные подходы к изучению культуры: от аксиологического и деятельностного – до экологического (с. 13–17). На самом деле культура давно стала расхожим понятием, характеризующим широкий круг человеческих индивидуальных и социальных связей и отношений. Нередко культурой называют всё, что хоть как-то выде-

Е. А. Попов. Рецензия на кн.: Сазонникова Е. В. Конституционное право...

ляется человеком из порядка атрибутов реального мира, потребностей, норм, ценностей и т.д. Пожалуй, чаще других категорий в поле внимания правоведов попадает «правовая культура», которая объединяет интересы общества, человека и государства на условиях нормотворчества и нормопочитания (или нормособлюдения). Культура при этом «должна подчеркнуть» приемлемое для всех субъектов этого взаимодействия положение вещей, а Конституция – облечь данное состояние порядка в корпус норм высшей юридической силы.

Исследование конституций и конституционного права – проблема сложная. Никто, думается, не устоит перед соблазном провести сравнительно-сопоставительный анализ национальных традиций конституционализма, отмечая позитивные наработки и недостатки в «миграции» конституционных значений и смыслов из одной системы в другую. В то же время заявляет о себе «культурологический подход в науке конституционного права», с которого Е. В. Сазонникова и начинает свои размышления о конституционном культуроведении.

Строго говоря, культуроведение – термин, пока не устоявшийся в границах философско-культурологического знания. Культура, как известно, становится привлекательной для анализа в разных научных дисциплинах, однако важно определить, какие задачи ставит перед собой тот или иной научный срез. Автор монографии предлагает следующую дефиницию: «Конституционное культуроведение – компонент науки конституционного права, объединяющий знания о культурных аспектах, выделенный в целях построения современной концепции об исследованиях культурных аспектов науки конституционного права, систематизации взглядов о такого рода исследованиях...» (с. 63). Однако в этой трактовке, на наш взгляд, больше вопросов, чем ответов. Главный – что есть в авторском понимании знания о культурных аспектах. Очевидно, в этом случае автор склонен отдать предпочтение трактовке культуры в самом широком смысле данной категориальной системы; для правоведа важно прежде всего обозначить гносеологические характеристики знания о культуре, а следом за ними и познавательную функцию собственно конституционного культуроведения – «освоение правовой реальности, получение нового научного знания, формирование элементов конституционно-правовой картины мира» (с. 67). Несложно заметить, насколько часто автор использует понятия «компоненты» (конституционное культуроведение – компонент науки конституционного права), «аспекты» (культурные аспекты). Кажется, в этом и некая условная раздробленность осмысления проблемы, и особенность культуроведения – области, нацеленной прежде всего на эмпирическое постижение многогранных смыслов и значений культуры. Тем более это важно, когда речь идет именно о конституционном культуроведении, поскольку оно оперирует вполне осязаемыми нормами права и категориями юридической отрасли науки.

Введение системы конституционного культуроведения – удачная, на наш взгляд, находка автора монографии в том смысле, что данное

исследовательское направление позволяет взглянуть на конституционное право как на систему регулирования взаимосвязанных отношений общества, человека, государства и культуры. Рассматривая во второй главе книги место системы конституционного культуроведения в науке конституционного права, автор отмечает необходимость следования определенной методологической традиции: важность выработки собственного методологического инструментария, который позволил бы закрепить научный статус конституционного культуроведения на должном познавательном уровне.

Что касается конституционного культуроведения, то в монографии делается значимая оговорка: «Конституционное культуроведение нацелено не на “вторжение” науки конституционного права в предметную сферу культурологии и иных наук, изучающих культуру, а на дифференциацию знаний при изучении общих объектов познания (в данном случае культуры) и интеграцию науки конституционного права в систему наук, изучающих культуру» (с. 101). Предлагаемые способы такой интеграции, и прежде всего создание понятийно-категориальной системы, подробно приводятся в третьей главе рецензируемого издания.

Интересными представляются размышления автора о культурном государстве. В частности: «Культурное государство – это такое состояние государственной формы и содержания, когда человек ощущает себя высшей ценностью и ему обеспечены безопасность, достойная жизнь и свободное развитие» (с. 128). Как видим, в такой формулировке находят свое выражение очень важные ценностно-смысловые и правовые характеристики. Вообще, как нам представляется, идея государства культурного – это идея в центре любого типа государственности. Вместе с тем, как всякая идеальная форма, культурное государство – состояние почти недостижимое и, следовательно, утопическое. Однако утверждение человекоцентризма в любом государстве и есть основной элемент государства социального, правового и, безусловно, культурного. На этом основании следует с уверенностью утверждать и признавать необходимость того, что «стремление к культуре» не может замыкаться только на личности, а должно распространяться повсеместно и стать ключом к любому общественному отношению и к любому государственному делу. Можно сколь угодно долго распространяться о дефиците культуры и культурности в российской действительности, тем не менее следует помнить, что культура – ценность самодостаточная.

В монографии, посвященной конституционному праву и культуре, не мог не появиться раздел, затрагивающий проблемы «искусство и общество», «государство и искусство». «Право и искусство» – проблематика почти неосязаемая, тонкая, деликатная. Искусство сегодня понимается по-разному. За современное искусство нередко выдаются явления бытовые, повседневные, далекие от того, что принято называть искусством в узком понимании, предполагая элитарность произведений. Тем примечательнее выглядит мысль автора монографии о том, что «в условиях включения искусства в конституционную модель России представляет

практический интерес разработка теории о взаимовлияниях конституционно-правовых явлений и искусства» (с. 133). Если иметь в виду, что в Конституции России слово «искусство» мы попросту не отыщем, то внимание любого правоведа, изучающего конституционно-правовые явления, к проблемам искусства ценно само по себе. В эти сферы и философы-то с культурологами забредают неохотно, уделяя все больше внимание культуре «прикладной», «поделочной», «декоративной». На этом фоне авторское высказывание «...Конституция – как Основной закон – уникальнейший документ, *творение искусства*» (курсив наш. – *Е. П.*) (с. 137) выглядит как заявка на совершенно новый подход к исследованию конституционно-правовых феноменов, столь необходимый современному юридическому знанию и вообще социально-гуманитарной науке, все более тяготеющей к эмпиризму.

Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о трех важных моментах, которые в рецензируемой монографии заслуживают безусловного внимания: 1) раскрытие онтологических проблем человеческой культуры в пространстве конституционного права, и еще более широко – права в целом; 2) обоснование необходимости развития конституционного культуроведения как особой отрасли знания о нормах современного конституционного права во взаимосвязи с нормами культуры; 3) утверждение не только юридической, но и аксиологической, и ценностно-смысловой значимости понятия «культурное государство».

*Е. А. Попов,
доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой общей социологии
Алтайского государственного университета*